

Check against delivery

30 октября 2013 года

ВЫСТУПЛЕНИЕ
представителя Российской Федерации
в VI Комитете 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
по пункту повестки дня

«Доклад Комиссии международного права о работе ее 65-й сессии»
(Темы: «Последующие соглашения и последующая практика в связи с
толкованием договоров»; «Иммунитеты должностных лиц от иностранной
уголовной юрисдикции»; «Защита окружающей среды»; «Преступления
против человечности»)

Г-н Председатель,

Прежде всего, разрешите поблагодарить Председателя Комиссии международного права г-на Нихауса за представление доклада о работе Комиссии на ее 65-й сессии. Мы с удовлетворением отмечаем, что в этом году Комиссия существенно продвинулась в рассмотрении целого ряда тем.

Хотели бы начать выступление с темы **«Иммулитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»**. Считаем эту тему одной из ключевых в текущей повестке дня КМП. Об этом свидетельствует и максимальный интерес государств, проявляющийся к ней в ходе заседаний VI Комитета.

В ходе прошедшей сессии Комиссия сделала важный шаг вперед в рассмотрении данной темы: был предварительно принят проект четырех статей с комментариями. Шаг небольшой, но важный - спешка здесь излишняя.

Комиссии нужна предельная тщательность в разработке этой сложной и неоднозначной темы.

Прежде чем высказываться по проектам статей, остановлюсь на ряде методологических вопросов.

Согласны со Спецдокладчиком г-жой Эрнандес в ее подходе, подтвержденном в параграфе 7 Второго доклада. Во-первых, важно, чтобы Комиссия двигалась вперед, используя предыдущую работу Секретариата и предыдущего Спецдокладчика. Во-вторых, в вопросе о рассмотрении темы с точки зрения кодификации или прогрессивного развития требуется исключительно взвешенный подход. Развитие темы *de lege ferenda*, если и должно происходить, то максимально осторожно. Начать надо действительно с кодификации существующих норм международного права, а уже потом, по мере нахождения «серых зон» и недостаточно урегулированных вопросов, на основе консенсуса, возможно, прибегать к прогрессивному развитию. Думается, этот подход уже получил значительную поддержку в нашем Комитете. Что касается сфер прогрессивного развития, то можно было бы что-то дополнить в части процессуальных аспектов задействия иммунитета, отказа от него и аналогичных вопросов.

Полагаем, что в субстантивных вопросах иммунитета должностных лиц еще не созрели условия для прогрессивного развития права. Так, например, мы не видим оснований в действующем международном праве для того, чтобы прийти к выводу о существовании исключений из иммунитета должностных лиц.

В этом контексте нас насторожил параграф 7 с) Второго доклада о принципах и ценностях международного права, имеющих отношение к данной теме и рассматриваемых в качестве аналитического инструмента. Не думаем, что в контексте этой темы стоит проводить подобные параллели. Это лишь

затруднит выработку Комиссией предельно четкого документа по этой теме, что мы от нее ожидаем.

Считаем, что вопрос об иммунитете от международной уголовной юрисдикции не должен охватываться в рамках данной темы. Здесь есть принципиальные отличия – иммунитет от иностранной юрисдикции проистекает из принципа суверенитета государств, и поэтому осуществление этой юрисдикции по общему правилу требует согласия государства должностного лица. В случае же международной юрисдикции государства изначально добровольно соглашаются, обычно путем заключения международного договора, с международной юрисдикцией и соответствующими правилами, касающимися иммунитета. При этом эти правила могут в каждом случае быть разными. В некоторых случаях речь в этой области идет о реализации решений Совета Безопасности, что также вряд ли имеет отношение к институту иммунитета как таковому.

Поддерживаем проведение различия между иммунитетом *ratione personae* и *ratione materiae*. Данное разграничение пользуется широким признанием в доктрине и находит отражение в судебной практике.

Далее позвольте сделать ряд комментариев по проектам статей, принятым на временной основе Комиссией.

а) Сфера охвата.

В принципе согласны с содержанием статьи. В пункте статьи 1 обратили внимание на сноску, о том, что определение «должностных лиц» еще предстоит сформулировать.

Определение термина «должностное лицо» приобретает особое значение в сфере иммунитета *ratione materiae*. Однако, мы полагаем, что и в контексте иммунитета *ratione personae* оно также важно. Особенно если будет принято решение не делать список лиц, пользующихся иммунитетом *ratione personae*,

замкнутым, что нам представляется правильным (на этом пункте я остановлюсь подробнее позже).

Здесь, видимо, имеет смысл сделать акцент на официальное представительство по занимаемой должности интересов государства. Пункт 2 в целом идет в верном направлении.

Хотели бы отдельно остановиться на определении «уголовной юрисдикции государства», сформулированном в параграфе 5 комментария к статье 1. Полагаем, что толкование уголовной юрисдикции как «ряда действий, связанных с судебным процессом» в привязке к иммунитету было бы необоснованно зауженным. На наш взгляд, в это понятие должны входить также любые другие меры принудительного характера. Кроме того, было бы целесообразно дать конкретные примеры юридических действий, который должны рассматриваться как нарушающие иммунитет.

Согласны с положением, сформулированным в параграфе 8 комментария к статье 1 о том, что иммунитет является процедурным препятствием к установлению наличия ответственности лица и не освобождает это лицо от ответственности. Однако, как представляется, было бы нелишним отразить в комментарии положение, сформулированное Международном Судом в деле Германия против Италии, о том, что отсутствие альтернативных способов призвания к ответственности не должно являться препятствием для реализации иммунитета.

б) Проект статьи 3.

В отношении охвата иммунитета *ratione personae* по кругу лиц считали бы важным не отказываться от идеи исследовать вопрос о том, может ли персональный иммунитет применяться помимо «тройки» к иным лицам. Работа в данном направлении коррелировала бы с мнением Международного Суда в деле "Об ордере на арест", практикой государств и позволила бы Комиссии адекватно реагировать на изменения, происходящие в мире, когда важнейшие

международные функции, включающие представительство государства в международных отношениях, зачастую не концентрируются исключительно в "тройке". При этом речь надо вести, видимо, скорее не о закрытом перечне, а о критериях причисления к нему. Такие критерии позволили бы определить узкий круг высших должностных лиц пользующихся иммунитетом *ratione personae* в дополнение к «тройке».

Внимательно ознакомились с комментарием КМП к проекту этой статьи, в особенности параграфами 8-12. Мы склоняемся к тому, что фраза "such as" применительно к лицам, входящим в «тройку», в решении по делу *Об ордере на арест* означает незакрытый характер этого списка по международному праву. В нашем понимании, основанном в том числе на этом и на более свежем решении Международного Суда по делу *Джибути против Франции* действующее международное право наделяет иммунитетом *ratione personae*, по крайней мере, членов тройки, но не только – другие должностные лица высокого ранга в зависимости от обстоятельств также могут соответствовать критериям «тройки». Комиссия в докладе привела примеры национальной практики, которая подтверждает возможность и целесообразность такого расширения. В частности, к «тройке» причислялись министры обороны (дело *Мофаза* в Великобритании и др.). С другой стороны, на наш взгляд, практика, приведенная в противовес (ссылка 285), «закрытость» списка не доказывает. Она касается либо гражданской юрисдикции, либо непризнанных глав государств, либо глав субъектов федеративного государства и так далее, т.е. не вполне относится к делу.

Обратили внимание и на дело *Адамова* в Швейцарии, также приведенное в ссылке 285 доклада КМП. Правительство России действительно доказывало в 2005 г. наличие у бывшего Министра атомной энергетики иммунитета от иностранной уголовной юрисдикции. Но вопрос об иммунитете *ratione personae* в том смысле, как он определен в проекте статьи 3, тогда не рассматривался

хотя бы потому, что на момент разбирательства в Швейцарии г-н Адамов уже не был министром. Иммуниетом же *ratione personae* могут пользоваться только действующие должностные лица. Федеральный Трибунал Швейцарии в своем решении от 22 декабря 2005 года не сделал вывода о наличии или отсутствии какого-либо иммунитета у г-на Адамова, оставив этот вопрос открытым (цитирую в этой части п.4 решения- “es kann offen bleiben”). Дело было решено, исходя из приоритетности российского запроса о выдаче, а не на основании норм об иммунитете. Другими словами, Суд не отказывал г-ну Адамову в иммунитете.

С учетом изложенного мы не вполне уверены в обоснованности вывода, сделанного в параграфе 12 комментария к статье, о том, что другие высокопоставленные должностные лица не должны пользоваться иммунитетом *ratione personae* для целей данных статей.

Рекомендовали бы Комиссии еще раз взглянуть на этот вопрос.

в) Поддерживаем в целом проект статьи 4.

Полагаем, что КМП в рамках прошедшей в 2013 г. сессии придала хороший импульс рассмотрению данной темы. Комиссии следует тщательно проработать остающиеся проекты статей, с опорой на практику государств, Международного Суда, а также в полной мере используя наработки Спецдокладчиков.

Теперь мы обратимся к теме **«Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров»**

Российская Федерация внимательно следит за ходом работы Комиссии над данной темой и рассчитывает на то, что по итогам этой работы будут подготовлены полезные рекомендации для государств и других субъектов, применяющих международные договоры.

Хотели бы дать несколько общих рекомендаций Комиссии по этой теме. Считаем принципиально важным, чтобы рекомендации, подготавливаемые

Комиссии соответствовали «букве и духу» Венской конвенции о праве международных договоров.

В этой связи предложили бы Комиссии отразить в тексте проектов выводов основную цель толкования договоров, которая, если выразаться языком комментария Комиссии к статьям о праве международных договоров, состоит в «освещении значения текста договора». Как сказал Международный Суд в своем консультативном заключении по делу о Компетенции Генеральной Ассамблеи по принятию государства в члены ООН, «если соответствующие слова в их естественном и обыкновенном значении имеют смысл в их контексте, на этом и должен быть закрыт вопрос».

Предложили бы также более рельефно провести в тексте проекта различие между основными и дополнительными средствами толкования договоров, изложенными соответственно в статьях 31 и 32 Венской конвенции.

Большую практическую значимость имеет проект вывода 3, который в конечном итоге призывает толкователей с определенной осторожностью прибегать к эволютивному толкованию терминов договора – в противном случае велик риск выйти за рамки «буквы и духа» договора или первоначального намерения государств-участников. Такой поход мы полностью разделяем.

Также согласны с выводом Комиссии о том, что предусмотренная статьями 31 и 32 Венской конвенции последующая практика может исходить только от государства - участника договора, которому соответствующее поведение может быть присвоено в силу международного права.

В отношении релевантности поведения негосударственных субъектов предлагаем использовать более ограничительные формулировки. Полагаем, что поведение негосударственных субъектов имеет значение, только если оно помогает определить поведение государств-участников договора. В этом контексте хотели бы отметить, что если неправительственная или даже

международная организация издает доклад о практике государств в какой-либо области, то основное значение имеет даже не сам доклад, а реакция на него государств.

Как следует из представленного Доклада, Комиссия на данном этапе решила пока не обращаться к статье 33 Венской конвенции, содержащей положения о толковании договоров, аутентичность текста которых была установлена более чем на одном языке. На наш взгляд, данную статью не следует «забывать» не только по причине того, что могут возникнуть вопросы относительно связи любого последующего соглашения с текстом основного договора на разных языках, но и потому, что соответствующее «последующее соглашение» или «последующая практика», предусмотренные пунктом 3 статьи 31 Венской конвенции, могут быть результатом устранения расхождений значений текстов договора на разных языках, о котором явно или молчаливо условились участники договора.

В заключении хотели бы коснуться новых тем, которые Комиссия решила включить в свою программу работы и в долгосрочную программу работы.

Ранее Российская Федерация высказывала свое сдержанное отношение к идее разработки темы **«Охрана атмосферы»** в рамках КМП. Наши озабоченности по данному вопросу сохраняются в связи с решением о включении темы в программу работы Комиссии.

Ограничения, установленные для Спецдокладчика, с одной стороны, не устраняют полностью проблемы, которые могут возникнуть в ходе его исследования (на них мы неоднократно указывали), а с другой – настолько сужают охват темы, что позволяют усомниться в целесообразности ее изучения в таком виде.

Проблематика охрана атмосферы является комплексной. Она охватывает как нормы международного воздушного права, так и нормы международного экологического права. В рамках каждой из указанных отраслей в настоящее

время ведется работа по устранению пробелов и созданию гибкой системы правовых норм, в том числе по вопросам, в отношении которых Комиссия особым образом отметила, что они не подлежат рассмотрению в рамках темы «Охрана атмосферы». Попытки кодификации норм в этой области неизбежно повлекут за собой вмешательство в упомянутые процессы и приведут к нарушению их целостности.

Исходя из изложенного, полагаем, что едва ли имело бы смысл продолжать работу по данной теме на данном этапе.

Комиссия также решила включить в долгосрочную программу своей работы тему **«Преступления против человечности»**.

В этой связи хотели бы отметить, что обычное международное право дает достаточно четкое понимание того, что является преступлением против человечности. Это понимание нашло отражение в Статуте и решениях Нюрнбергского трибунала, а затем было подтверждено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 95 (I). Преступление против человечности было сформулировано и Комиссией международного права как один из Принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедших отражение в решении этого трибунала. Преступление против человечности является одним из преступлений, согласно международному гуманитарному праву и упоминается в Первом Протоколе к Женевским конвенциям. Есть также Статут Международного уголовного суда, в котором содержится соответствующее определение.

В этой связи у нас возникает вопрос, в чем состоит цель разработки Комиссией нового документа о преступлении против человечности и каково будет его соотношение с уже действующими нормами обычного и договорного права.

Благодарю Вас, господин Председатель.